

ЧАРУШИН ЕВГЕНИЙ ИВАНОВИЧ ВОЛШЕБНЫЙ МИР ЗВЕРЕЙ И ПТИЦ

В день смерти великого немецкого зоолога Альфреда Эдмунда Брема в небольшом российском городке Вятка в семье губернского архитектора Ивана Аполлоновича Чарушина родился мальчик, чьи рисунки к детским книгам о животных прославились на весь мир.

...Семья губернского архитектора Ивана Аполлоновича Чарушина жила широко и очень дружно. В доме собирались музыканты, художники, а сам дом был наполнен необыкновенными вещами, привезёнными дядей маленького Жени из Китая, Вьетнама, Японии, с Сахалина.

Любовь к природе родители прививали сыну с детства: *«Отец брал меня во все свои поездки по Кировской области. Ездили мы и днём и ночью, лесами и лугами, в пургу и осеннюю непогоду. И волки за нами гнались, и въезжали мы на токовище тетеревов, и глухарей вспугивали с вершин сосен. <...> И восход солнца, и туманы утренние, и как лес просыпается, как птицы запевают, как колёса хрустят по белому мху, как полозья свистят на морозе — всё это я с детства полюбил и пережил».*

Мать, Любовь Александровна (урождённая Тихомирова), учила ребёнка *«смотреть и удивляться силе и красоте природы и всему её разнообразию и великолепию...».*

Родительский дом с огромным, заросшим садом был густо населён животными: поросятами, индюшатами, кроликами, цыплятами, чижками, свиристелями, щеглами, подстрелками разных птиц, которых выхаживали и лечили... *«Были у нас кошки, банки с рыбками, птицы в клетках. На окнах заросли цветы — любимое дело матери».* А ещё в доме жил Бобка - трёхногий калека-пёс, который был закадычным другом Чарушина. *«Он лежал всегда на лестнице. Все об него спотыкались и бранились. Я же ласкал его и часто рассказывал <ему> о своих детских огорчениях».*

Мальчик рос озорным и весёлым. Однажды за какой-то проступок мать поставила его в угол за ширму. Время шло, понемногу семья обеспокоилась, что ребёнок слишком долго стоит в углу: вон же его ботинки под ширмой. Когда же ширму убрали, оказалось, что Жени там нет. Одни ботинки стоят....

Рисовать Чарушин начал рано. *«Это было просто, по-видимому, свойственно мне, как говорить, петь, шалить или слушать сказки. Помню, как я слушал сказки с карандашом и рисовал во время рассказа».* Рисовал начинающий художник *«преимущественно зверей, птиц да индейцев на лошадях»*, бегая в чучельную мастерскую, расположенную недалеко от родительского дома, или наблюдая свой домашний «зоопарк». Можно предположить, что раннее знакомство с искусством народов Востока, его лаконизмом и точностью в изображении зверей, умением любоваться природой и ощущать себя её частью оказало существенное влияние на творчество Евгения Ивановича, на его подход к рисованию животных.

Закончив среднюю школу в Вятке (1918), где он учился вместе с Юрием Васнецовым, Чарушин пошёл в армию, служил помощником декоратора в культпросвете Политотдела штаба Красной Армии Восточного фронта. Лишь в 1922 году он вернулся к мирной жизни. Зимой учился в декоративных мастерских Вятского губвоенкомата, а осенью того же года поступил на живописный факультет в Петербургскую Академию художеств.

Занимался он (1922-1927) у А.Карева, А.Савинова, М.Матюшина, А.Рылова. Но, как он сам вспоминал впоследствии, это были *«самые бесплодные для меня годы».* Поиски нового слова в живописи ему были неинтересны, а академическое рисование навевало скуку; куда как занятнее было ходить в зоосад или на птичий рынок.

Одеваться же молодой художник любил в то время по моде. По воспоминаниям его близкого друга Валентина Курдова, Чарушин тогда *«ходил в гольфах и пёстрых чулках, носил пыжиковую шапку и пёструю, собачьего меха, короткую шубу».*

В 1924 году он, воспользовавшись советом Виталия Бианки, вместе с Николаем Костровым и Валентином Курдовым отправился в увлекательное путешествие на Алтай.

По окончании учёбы (1926) и краткосрочной службы в рядах Красной Армии, Чарушин пришёл в Детский отдел Госиздата, которым заведовал Владимир Лебедев. В те годы перед художниками ставилась задача создать принципиально новые книги для маленьких граждан советского государства, книги высокохудожественные и, в то же время, информативные и познавательные. Чарушинские рисованные звери понравились Лебедеву, и он принялся всячески поддерживать художника в его исканиях и творчестве.

Первая же книга с иллюстрациями Евгения Ивановича - рассказ В.Бианки «Мурзук» (1928) - привлекла внимание не только маленьких читателей, но и знатоков книжной графики, а рисунок из неё был приобретён Государственной Третьяковской галереей.

В 1929 году Чарушин сделал несколько книг: «Дикие звери», «Разные звери», «Вольные птицы», «Как мишка большим медведем стал». Уже в них проявилось незаурядное мастерство художника в передаче повадок животных. Сидящий на ветке маленький осиротевший медвежонок; нахохлившаяся ворона, собирающаяся клевать косточку; бредущие кабаны с малышами... — всё нарисовано ярко, выразительно и, в то же время, лаконично и ёмко. Создавая образ животного, художник умел выделить самые характерные его черты. Рисунки Чарушина отличаются свежестью, умением взглянуть на зверя, словно в первый раз в жизни.

Чарушинские звери всегда очень трогательны, эмоциональны. Среда, фон в ранних его книгах едва намечены. Главное — крупным планом показать животное, при этом не только создав художественный образ, но и изобразив своего героя максимально правдиво с точки зрения биологии. Плохо нарисованных зверей Евгений Иванович терпеть не мог. Он считал, что в детской книге рисунки должны быть живыми, дышащими, и не любил Ивана Билибина, утверждая, что тот занимался не иллюстрированием, а раскрашиванием холодных, мёртвых контуров...

Живописность образов чарушинских животных складывается из множества фактур, мастерски передающих перья птицы, шерсть зверя. Как справедливо заметил один из исследователей его творчества Э.Кузнецов: «Он рисует не контурно, а можно сказать, антиконтурно, необычайно искусно передавая фактуру шерсти или перьев» и «ощущение массы тела. Эта масса где-то тяжелеет, сгущается (скажем, в лапах или морде, где тело как бы выходит наружу), а где-то разрежается; эта масса сосредоточена внутри и постепенно теряет свою плотность к поверхности».

Создавать такие сложные, живописные по фактуре иллюстрации удобнее всего было в технике литографии. Она позволяла не только подолгу просиживать над рисунком, но и сразу печатать картинки в будущей книжке. Чаще всего Чарушин использовал пастельные, природные цвета. И «не признавал никаких литографских законов и правил, он темпераментно водил карандашом и тёр литографский камень тушью, царапая по нему иглой и бритвой». По многу раз он мог заклеивать на рисунке не получившиеся части или

замазывать их белилами.

По отзывам современников, художник был человеком страстным, эмоциональным и очень увлекающимся. «Обаятельная и талантливая натура Чарушина сказывалась во многом: он играл на скрипке, писал стихи, был актёром, вечно что-то изобретал (мы его так и прозвали «Евгеша-изобретатель»), — вспоминал Валентин Курдов. Однако его «безделье» всегда было наполнено какой-то деятельностью, чаще всего бессмысленной и неразумной в глазах посторонних, забавой, причудой, игрой, но ему неизменно интересной и важной, требующей ума, изобретательности, ловких рук, интуиции и даже вдохновения».

Деятельным Чарушин был с детства. Так, в шесть лет художник заболел брюшным тифом, наевшись каши из грязного куриного корыта. Плавать научился в одиннадцать лет, когда вместе со стадом переплыл широкую реку Вятку, держась за коровий хвост. Мало кто знает, что у художника Чарушина было несколько патентов на изобретения. Он построил планёр и летал на нём. Ходил по воде на придуманных им самим лыжах-поплавках.

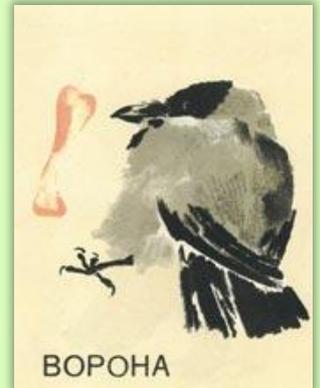

В 1930 году Чарушин попробовал писать небольшие рассказы. «Преисполненный до краёв наблюдениями детства и охотничьими впечатлениями, я стал, при горячем участии и помощи С.Я.Маршака, писать сам». Очень тепло о рассказах начинающего автора отзывался Максим Горький.

Впрочем, сочинять Чарушин пытался ещё в детские годы. В 15 лет он с друзьями выпускал журнал «Сопохуд» (Союз поэтов и художников). Для журнала он писал, по собственной оценке, «корявые и тяжкодумные» стихи, однако «поиски нужного слова в конце концов мне пригодились... — признавался Евгений Иванович, — и журналы эти очень смешные, детские, но они очень повлияли на моё творчество».

Уже в первом его рассказе - «Щур» (1930) - проявилось не только знание звериных характеров, но и хорошее чувство юмора. «Щур в клетке свистит, мурлычет Вася, Харлашка Прошку таскает за шиворот: то Харлаша Прошу, то Проша Харлашу — а я их всех рисую, я — художник».

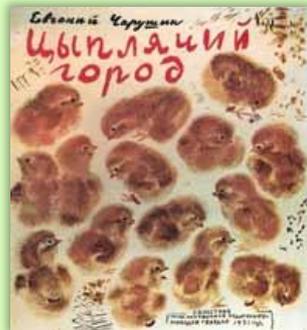
И во всех других рассказах Чарушина «всегда явно ощутима то мягкая, то озорная, то по-доброму снисходительная, то немножко ироничная улыбка».

Всю жизнь Чарушин с огромным уважением относился к своим читателям. Его радовало, что звери, которых он рисовал, нравятся не критикам и редакторам, а именно малышам: *«...для них не станешь сюсюкать в картинках, как это делается в других странах, не станешь рисовать пупсиков...»*. Рассматривая чарушинские книги, смело можно сказать, что и тексты, и иллюстрации к ним отражают единый, цельный внутренний мир их создателя. Его рассказы и рисунки строги, лаконичны, познавательны и — понятны даже совсем маленькому ребёнку.

В коротких рассказах из сборника «Птенцы» (1930) — о рябчатых, коростелятах, совытах... — Евгений Иванович мастерски выделяет самые броские, самые запоминающиеся особенности своих героев: *«А вот вертишейки — хитрые птенцы! Подберётся к гнезду страшный зверь — мышь или белка, они шею вытянут, зашипят змеей. Всякий тут испугается»*.

Работая над книгой, Чарушин придавал большое значение единству слова и текста. Вдумчиво подходил к выбору шрифтов, считая, что в книге не должно быть ничего случайного. Как правило, он предпочитал рубленые шрифты, удобные для детского чтения. На обложках часто рисовал шрифт вручную, считая, что так он органичнее сочетается с рисунками. Иногда пробовал «играть» со строчками в наборном шрифте, как в книгах В.Бианки «Теремок» (1929) или «Щур».

До войны Евгений Иванович создал около двух десятков книг: «Птенцы» (1930), «Волчишко и другие» (1931), «Облава» (1931), «Цыплячий город» (1931), «Джунгли» — птичий рай» (1931), «Животные жарких стран» (1935), а также

продолжал иллюстрировать других авторов, среди которых С.Я.Маршак, М.М.Пришвин, В.В.Бианки, А.И.Введенский...

«То, что производило на меня большое впечатление в детстве,— говорил художник, — волнует и сейчас. Я хочу понять животное, передать его повадку, характер движения. Меня интересует его мех. Когда ребёнок хочет погладить моего зверёнка — я рад. Мне хочется передать настроение животного, испуг, радость, сон и т.п. Всё это надо наблюдать и прочувствовать. Больше всего я люблю изображать молодых животных, трогательных в своей беспомощности и интересных, потому что в них уже угадывается взрослый зверь».

Иногда кажется, что рисование зверей для Чарушина — не тяжёлая работа, а просто-напросто неотъемлемая часть его сущности, как способность петь или дышать. Однако за каждым рисунком в книге стоит огромный опыт наблюдения за живой природой и неустанный труд, ведь Чарушин уделал большое внимание и натурным зарисовкам, и созданию макета книги.

Кроме поиска образов для иллюстраций, он искал ещё *«форму изображения»*, с тем *«чтобы получился композиционно цельно-художественный организм»*, а это, как полагал Евгений Иванович, *«самое трудное для художника-иллюстратора. Наброски, наблюдения, «почеркушки», глубокое знакомство с текстом — это только материал для работы. Иногда бьёшься несколько недель, прежде чем найдёшь удовлетворяющую тебя форму всей книги в целом»*. Он даже признавался, что иллюстрировать чужие тексты ему проще, чем свои собственные, — тогда происходит меньше споров между писателем Чарушиным и Чарушиным-художником.

Кроме работы в издательствах, Евгений Иванович активно сотрудничал с детскими журналами — «Мурзилкой» (с 1924 г.), «Ежом» (1928-1935 гг.) и «Чижом» (1930-1941 гг.); делал настенные эстампы для детей, порой работая без авансов и гонораров.

«Я приучился с детства понимать животное — понимать его движения и мимику. Мне сейчас даже как-то странно видеть, что некоторые люди вовсе не понимают животное», — говорил художник. Он любил природу, но главное, умел привить эту любовь читателям. Парадоксально, но при этом Чарушин был страстным охотником, а своё первое ружьё получил в подарок от отца лет в одиннадцать-двенадцать. В его доме, как и в доме родителей, постоянно жили всевозможные звери, а в одной из комнат стоял огромный вольер для птиц.

Во время войны Чарушин уехал из Ленинграда на родину, в Киров (Вятку). Он рисовал плакаты для «Окон ТАСС», писал картины на партизанскую тему, оформлял спектакли в Кировском театре драмы, расписывал помещения детского сада одного из заводов и фойе дома пионеров и школьников. И — занимался с детьми рисованием.

В 1945 году художник вернулся в Ленинград. Помимо работы над книгами, он создал серию эстампов с изображениями животных. Ещё до войны он увлёкся скульптурой, расписывал чайные сервизы, а в послевоенные годы делал из фарфора фигурки животных и целые декоративные группы.

К оформлению детских книг он попробовал подойти иначе. На его рисунках стало обозначаться пространство, появилась перспектива. Звери порой изображались более сказочными и, скорее, напоминали героев Васнецова. Менялась и техника: художник начал работать гуашью и акварелью, но не широкими мазками, а тщательно прорабатывая в рисунке мелкие детали.

Последней книгой Чарушина стали **«Детки в клетке» С.Я.Маршака**. А в 1965 году ему посмертно была присуждена золотая медаль на международной выставке детской книги в Лейпциге.

На всю жизнь художник сохранил детское мироощущение и какой-то ребяческий восторг перед красотой природы: *«Я очень благодарен моим родным за моё детство, потому что все впечатления его остались для меня и сейчас наиболее сильными, интересными и замечательными. И если я сейчас художник и писатель, то только благодаря моему детству».*

Понимая, что именно в детстве закладывается основа мировоззрения человека, Чарушин писал: *«Моя задача — дать ребёнку предельно цельный художественный образ, обогатить художественное восприятие ребёнка, открыть ему новые живописные ощущения мира...».*

Искусство Евгения Чарушина, доброе, человеческое, радует уже не одно поколение маленьких читателей и учит их любить волшебный мир зверей и птиц.

